

Предисловие

Словосочетание *стилистика текста* известно давно; как говорится, оно у всех на слуху. Однако содержание его вызывает лишь самые общие, расплывчатые представления. Дело в том, что название науки появилось раньше самой науки, которая только начинает формироваться. Стремительно развивающаяся лингвистика текста показала, что наряду с грамматикой, семантикой текста и другими аспектами и областями его изучения необходима и стилистика текста.

Как представляется, в названии этой науки очень важны оба его компонента — **стилистика** и **текст**. Первый предполагает стилистический подход ко всем явлениям текста, второй обозначает предмет изучения и в соответствии с этим специфику стилистического изучения (изучаются не традиционные языковые единицы, а тексты).

Стилистический подход предполагает изучение функционирования (способов использования) текста и его единиц — прозаических строф (сложных синтаксических целых), фрагментов, глав, частей; стилевой специфики типов текста (речи); условий и средств выразительности текстов.

Таким образом, **стилистику текста** можно определить как науку (научную дисциплину), изучающую функционирование, стилевое своеобразие типов и единиц текста.

Так как текст — это сложное, многостороннее и многослойное образование, то полное стилистическое описание его возможно при учете всех его, по крайней мере лингвистических аспектов.

Качество текста, его стилистическая специфика зависят от структуры речи (ведется ли она от 1-го, 2-го или 3-го лица), от участия в речи одного, двух или более говорящих (монолог, диалог, полилог), от принадлежности речи (виды чужой речи), от характера связи между самостоятельными предложениями (тексты с цепными, параллельными, присоединительными

связями), от конкретных функций текстов (описание, повествование, рассуждение и др.), от принадлежности к тому или иному функциональному стилю (функционально-стилевая типология), от индивидуальной манеры, абзацного членения и других факторов.

Только многоаспектное описание текстов может дать более или менее полное представление об их специфике.

Такое понимание задач стилистики текста и определило **композицию, состав книги**. В начальных главах дается представление о тексте (известно, что до сих пор нет общепринятого его определения), его составляющих, структуре. Затем рассматриваются перечисленные выше аспекты — лингвистические типологии текстов. Завершает работу глава об индивидуальных стилях, в которой должны получить отражение по возможности все рассматривавшиеся ранее лингвистические (стилистические) аспекты.

Каждая из двенадцати глав книги делится на параграфы. После параграфа предлагается вопрос или задание (мелким шрифтом), помогающее усвоить материал параграфа или потренироваться в его практическом применении. Задания после каждой главы предполагают подготовку устных сообщений или рефератов по проблеме главы. В задании дается дополнительная литература по теме. При этом большинство указанных пособий входит в Федеральный комплект учебников, следовательно, их можно найти в школьных библиотеках. В некоторых заданиях предлагается самостоятельный анализ, а также подбор текстов и их создание.

Текст — важнейшее лингвистическое понятие. В нем сходятся все сведения о языке, речи. Текст — это реальная единица общения. Фактически мы пишем текстами, говорим текстами. Поэтому нет необходимости доказывать важность их изучения.

Главная задача, которую ставил перед собой автор, — дать по возможности полное, комплексное представление о тексте, его стилистических особенностях, устройстве, типах. Книга, как работа научно-популярная, предназначена для учеников старших классов, студентов, учителей, а также для широкого круга читателей — тех, кому небезразличны судьбы русского слова.

1. ЧТО ТАКОЕ ТЕКСТ

Текст. Слово это настолько привычное, знакомое, что, казалось бы, и пояснений не требует. Однако такое впечатление обманчиво.

Текстом может быть и одно предложение, например загадка, афоризм, пословица, хроникальная заметка в газете, и несколько предложений — басня, короткое стихотворение, зарисовка, и большой роман. Что же объединяет все эти жанры? Почему они могут выступать под одним именем — текст?

Ответ на эти вопросы очень не прост. В XX веке сформировалась даже целая наука — лингвистика текста. Насколько новым и сложным оказался предмет исследования.

Дело в том, что раньше языкознание традиционно изучало слова, словосочетания, предложения. А все, что было крупнее предложения — абзацы, фрагменты, главы, целые произведения, — исключало из сферы своих интересов, отдавая литературоведению, риторике, поэтике. И само слово *текст* было термином скорее полиграфии, чем языкознания. Например, писали и говорили, как, кстати, и сегодня пишут и говорят: *текст сочинений Пушкина; надо восстановить утраченный текст документа.*

Язык и речь

Лингвистика всегда пользовалась термином *язык*, и лишь со времен Ф. де Соссюра (с начала XX в.) появляется понятие *речь*. Язык и речь образуют в совокупности единое явление, и в то же время между ними есть принципиальные различия.

Речь — это конкретное говорение, происходящее в звуковой или письменной форме, это все, что говорится и пишется: разговор между знакомыми, выступление на митинге, речь адвоката, научное сочинение, стихотворение, повесть, доклад и т. д.

Но речь невозможна без языка. Например, иностранная речь будет восприниматься как непонятный сплошной гул, в котором трудно различить слова, предложения, если мы не знаем языка. Речь строится по законам языка, производится языком, представляет собой его воплощение, реализацию. Как писал Ф. де Соссюр, “язык одновременно и орудие и продукт речи”. Иначе говоря, язык творит речь и в то же время сам творится в речи.

Мы читаем текст, слышим речь. Наблюдая, анализируя звучащую и письменную речь, лингвист постигает структуру языка как “механизма”, порождающего речь. Например, чтобы “открыть” такую часть речи, как существительное, лингвистам надо было проанализировать громадный речевой материал — “тысячи тонн словесной руды”, по слову поэта. И тогда обнаружилось, что есть слова, имеющие значение предметности и обладающие определенными грамматическими признаками, т. е. ведущие себя в речи одинаково.

Язык — это система категорий, извлекаемых из речи (части речи, спряжение, склонение и т. д.). Но язык, в отличие от речи, не дан нам в непосредственном восприятии. “Языком можно владеть и о языке можно думать, — писал известный лингвист А.А. Реформатский, — но ни видеть, ни осязать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом значении этого слова”.

В самом деле, можно услышать или произнести слово, предложение, целый текст, но “потрогать” существительное или глагол невозможно. Это абстрактные понятия, которые извлекаются из речи, примерно как железо из руды.

Итак, речь материальна, она воспринимается чувствами — слухом, зрением и даже осязанием, например тексты для слепых. Язык — это система категорий, извлекаемых из речи, управляющих речью, но недоступных нашим чувствам или ощущениям. Язык постигается разумом, научным анализом речи.

Есть и другие различительные признаки языка и речи.

В отличие от языка речь индивидуальна и конкретна. Кто не узнает автора, например этих строк:

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами. Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоянном дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице, прося приискать ей новое место; повар ушел еще вчера со двора, во время обеда; черная кухарка и кучер просили расчета.

Конечно, Вы правы, это Лев Толстой, его неповторимый строй речи, его оригинальный взгляд на мир. Это знаменитое вступление к роману “Анна Каренина”.

Или такой текст:

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглы ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Эта кристально чистая, ясная проза — Вы уже догадались — принадлежит М.Ю. Лермонтову. Это “Герой нашего времени” — “Бэла”. Другой автор — и совершенно иной стиль, иная манера речи. И дело

не только в том, что перед нами крупные художники со своим оригинальным индивидуальным слогом. Нет, важно подчеркнуть, что и по своей природе речь всегда конкретна и индивидуальна. Любой говорящий (или пишущий) — это не человек вообще, а данный, конкретный индивидуум, выражающий свои мысли, чувства, настроения. И для выражения этих мыслей и чувств он выбирает подходящие слова, а нередко и сам создает новые слова — неологизмы, сочетает слова в предложения, предпочитая те или иные структуры, облакает их в определенную интонацию и выбирает тот или иной стиль (манеру) общения — фамильярный, официальный, почтительный, пренебрежительный и т. д. Речь конкретна и потому, что отражает определенную ситуацию, определенное время, место. Вот характерный пример:

Он медленно поднялся по лестнице, медленно вошел в комнату среди почтительно расступившейся публики и, здороваясь со знакомыми, вопросительно обвел комнату глазами. Так как оказалось, что он пришел только затем, чтобы познакомиться со мной, то его подвели ко мне. Он старомодно и как-то протонародно подал мне большую, толстую руку и маленькими голубыми глазами, в которых играл живой, веселый огонек, пристально поглядел мне в лицо.

Так И.А.Бунин описывает свою встречу с Джером Джеромом — известным английским писателем. Описание характерно обилием деталей, подробностей: *медленно* поднялся по лестнице, *медленно* вошел в комнату, публика расступилась *почтительно*, *старомодно* и как-то *протонародно* подал руку, рука *большая, толстая*, глаза *маленькие, голубые* и т. д.

Описание поразительно конкретно, и это очень характерно для речи.

Язык же, в отличие от речи, коллективен, принципиально безличностен, он принадлежит всем: если перефразировать А.Пушкина, и академику, и герою, и мореплавателю, и плотнику.

Один и тот же русский язык рождает литературные шедевры и канцелярскую речь, стихи и прозу, путевые записки и доклады, судебную речь и научную.

Речь не только конкретна и индивидуальна, но и

бесконечна. Даже крупнейшие библиотеки не могут вместить в себя все написанное — книги, журналы, газеты, архивы, рукописи, дневники. А если включить сюда и звучащую речь, то поистине необозримым, неисчерпаемым окажется океан, вселенная речи.

А в основе всего этого бесконечного разнообразия — язык, ограниченный набором составляющих его категорий. Так, известно количество звуков (точнее, фонем) в русском языке. Их не так много — примерно 39 (5 гласных и 34 согласных). Гораздо больше морфем — корней, приставок, суффиксов. Велико количество слов, но и оно исчислимо. Так, в “Толковом словаре русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995) 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. В 17-томном “Словаре современного русского литературного языка” 120 480 слов. Но это только литературный язык. Если прибавить сюда специальную лексику, диалекты, жаргоны, то счет пойдет уже на миллионы. И все же как ни велик, как ни богат словарный запас русского языка, он не бесконечен.

Речь подвижна, динамична, язык стабилен. Именно стабильность языка обеспечивает его преемственность от поколения к поколению. Нам понятны и доступны Державин, Батюшков, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Чехов. Но для чтения великого произведения русской литературы “Слова о полку Игореве” нужна специальная подготовка. Язык тоже меняется, развивается, но гораздо медленнее, чем речь. И в этом залог его устойчивости, сохранности в веках.

Изменения же языка заложены и начинаются в речи. Имея индивидуальный характер, речь допускает импровизацию, отклонения от языковых норм. Сначала речевые новшества вызывают удивление, даже протесты, но затем некоторые из них, все шире распространяясь, становятся достоянием всего языкового коллектива, переходят в язык.

Когда появилась песнь V “Евгения Онегина” с известным поэтическим изображением зимы:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...—

один из критиков иронично заметил: “В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством”.

Конечно, это было речевое новаторство Пушкина, поставившего рядом простонародное слово *дровни* (крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов) и книжное — *торжествуя*. Глубоко постигнув дух русского национального языка, Пушкин устанавливал новые принципы соединения слов, ломая устаревшие перегородки между словами разных стилей, воздвигнутые предшествующими теориями, открывал доступ в литературный язык народной речи.

Речевые изменения, постепенно накапливаясь и будучи незаметными невнимательному взгляду, меняют с течением времени и язык. И это касается всех сторон, всех уровней языка — произношения, лексики, фразеологии, грамматики. Так, мы сейчас уже не говорим, кроме, может быть, некоторых представителей старшего поколения москвичей, *булошная, молошная, коришневый*, но произносим, как пишем: *булочная, молочная, коричневый*. Под влиянием речи — так говорит подавляющее большинство — изменилась московская языковая, произносительная норма.

Как вспоминает К.И.Чуковский, А.П.Чехову были неизвестны некоторые обиходные современные обороты. Молодое поколение (да и то, что постарше) давно освоилось с такими формами, как *Звонила Вера, что завтра уезжает* или: *Позвони Еремееву, чтобы прислал чемодан*. Но еще Чехов не знал этих форм. Не знал он и формы *говорить по телефону*. Он писал: “Сейчас в телефон говорила со мной Татаринова”; “Альтшулер говорил в телефон”; “Сейчас говорил в телефон с Л.Толстым”.

В повести Пушкина “Выстрел” офицеры “сделали ему [Сильвио] вопрос”. Сейчас мы бы сказали: *задали вопрос*. В “Капитанской дочке” читаем: “Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; *сделалась метель*”. У Лермонтова в “Герое нашего времени”: “*Тревога между нами сделалась ужасная*”. Так писали в XIX веке. Сейчас эти мысли выражают иначе.

У Герцена, Писарева, Г.Успенского, Л.Толстого, у Блока, Куприна, А.Н.Толстого можно встретить обороты *очень помню вас, совершенно понимал своего приятеля, слишком знаю их точку зрения, пачка ключей, безвыходное уныние*. В современной речи употребили бы иные выражения: *хорошо (отчетливо) помню; хорошо*

(вполне) понимал; слишком хорошо знаю; связка ключей; безысходное уныние.

Меняется речь. Гораздо медленнее, под влиянием речи, меняется и язык.

Прочитайте высказывание современного лингвиста М.В.Панова: “Задача языковеда — найти в речи язык, подняться от речи к языку”. Как вы понимаете эти слова?

Важнейшие качества речи

До сих пор мы говорили о речи в сопоставлении с языком. И это естественно, правильно, так как язык и речь теснейшим образом взаимосвязаны. Однако, если мы хотим изучать речь как самостоятельный объект лингвистики, необходимо найти в речи такие особенности, такие характеристики, которые принадлежат только ей и не присущи языку.

Обратимся с этой целью к анализу **речевых актов**, единиц, из которых состоит любая речь, т.е. отрезков речи, высказываний. Начнем с самых элементарных.

Идет дождь.

Дай воды.

Волга впадает в Каспийское море.

Эти высказывания различны по смыслу, содержанию, грамматическому строению. Единственное, что их объединяет, — это определенное отношение к **говорящему лицу**, к я. Так, высказывание *Идет дождь* означает: “Я (говорящий, пишуший) утверждаю (заявляю, говорю), что сейчас идет дождь”. Высказывание *Дай воды* означает непосредственное обращение говорящего к слушающему (собеседнику) с просьбой (приказом, побуждением) дать, принести ему воды. Третье высказывание содержит определенную информацию, которая может быть выражена говорящим.

В любом высказывании более или менее явно, открыто обязательно присутствует или подразумевается говорящий (я). И высказывание воспринимается как осмысленное не только потому, что компоненты его имеют грамматическую форму, но и благодаря тому, что оно соотносится с говорящим, выражает его ре-

ческое намерение. Даже если высказывание непонятно, например произносится ребенком, мы пытаемся его понять, приписываем ему смысл, так как оно выражает какое-то побуждение, речевую попытку, исходит от *я*.

Точно так же ответом на наш вопрос могут быть не слова, а какой-либо жест, например пожатие плечами или покачивание головой. И такой жест тоже воспринимается как высказывание только потому, что принадлежит участнику речевого акта. И как жест нельзя представить себе в отрыве от человека, так и высказывание невозможно без говорящего.

Таким образом, языковые (и неязыковые) средства становятся речью лишь тогда, когда происходит их соединение с говорящим лицом, с *я*, т. е. в речевом акте. Именно структура речевого акта определяет общее, речевое в самых разнообразных высказываниях. Речевой акт “вмещает” в себя все произнесенные и еще не произнесенные (потенциальные) высказывания. Его структура, схема: “*Я* (говорящий) сообщаю нечто тебе (слушателю) о нем (предмете, лице, событии и т. д.)”. Эта структура “покрывает” предложения любого состава, строения, содержания. И этот универсальный, всеобщий характер речевого акта получает отражение в любом высказывании.

Среди **трех компонентов**, сторон речевого акта, получающих отражение в высказывании (**говорящий — слушающий — передаваемая информация**), важнейшее, определяющее значение имеет первый — говорящий, производитель речи. Без него вообще невозможна речь, невозможно общение. Производство же речи (высказываний) происходит благодаря соединению какой-либо информации с *я* говорящего. Для того чтобы слово вне речи стало высказыванием, речью, необходимо поставить его в определенное отношение к *я*. Сравним *писать* (слово в словаре) и *Писать!* В первом случае нет связи с говорящим, поэтому нет и высказывания. Во втором случае перед нами высказывание: говорящий выражает приказ, информация тесно соединяется с *я*.

Любое высказывание исходит от *я*, обращено к *ты* и сообщает нечто о *нем*. *Я* — это изначальный центр любого высказывания, его основа даже тогда, когда *я* открыто не выражено. Далеко не случайно то, что

лингвистика не знает ни одного языка, в котором отсутствовали бы личные местоимения.

Итак, важнейшее качество речи, вытекающее из сущности речевого акта, точнее первого ее компонента (говорящего), можно определить как **персонализированность** (эгоцентричность). Определяющее значение для речи имеет ее производитель, *я*. Без *я*, говорящего, речь невозможна.

Однако значение *я* в языке предельно широко: “Тот, кто говорит”, любой носитель языка. Поэтому, вступая в позицию говорящего, носитель языка должен конкретизировать абстрактное *я*, наполнить его содержанием. Индивидуализация, конкретизация *я*, сужение его смыслового объема до единичного, конкретного носителя языка совершается с помощью слов *здесь* и *сейчас*.

Итак, *я* — основа любой речи, *здесь* и *сейчас* — ее координаты. Речевой акт осуществляется не в безвоздушном пространстве, а в определенное время и в определенном месте. В отличие от языка речь всегда конкретна. Сказать что-либо о предмете — значит в известном смысле поместить его в определенное время и пространство. Сравним три высказывания: *Стол — Стол в комнате* и *Стоящий (сейчас) в комнате стол*. Очевидно, что наиболее конкретно последнее высказывание.

В речи, в цепи высказываний, линия *я* сопровождается, как правило, линией *сейчас* (время) и линией *здесь* (пространство). Взаимодействие этих линий образует смысловой каркас речи. Особенно сложна организация времени и пространства в художественной речи.

Второй компонент речевого акта — слушатель (*ты*), адресат. *Я* и *ты* взаимообусловлены. *Я* могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*...

Ты — это объект и цель высказывания, но **не** его производитель. Высказывание обращено к *ты*, существует для адресата, но он не участвует активно в речевом акте, он пассивная, воспринимающая сторона, обязательный, хотя и нередко потенциальный его участник. Даже тогда, когда речь формально строится от 2-го лица (*Ты идешь по берегу моря. Ты видишь валуны, водоросли*) или обращена непосредственно к собеседнику

(*Дай воды!*), все равно она принадлежит *я*, исходит от *я*. Этим определяется косвенная, но важная роль адресата (слушающего) в речевом акте, в высказывании. Ведь речь всегда обращена к кому-то, рассчитана на реакцию слушающего, побуждение его к определенным поступкам, мыслям и т.д. В этом заключается главный смысл и цель речи, ее назначение.

Итак, вторая важная особенность речи, непосредственно связанная с адресатом речевого акта, — это **адресованность** речи. Речь не существует сама по себе, ради самой себя. Итальянский исследователь В.Пизани замечает, что “когда двести юкагиров спят и не видят снов, их язык перестает существовать как таковой и вообще прекратил бы свое существование, если бы по какой-либо причине юкагиры перестали просыпаться”.

Речь существует для слушающего, для того, чтобы передать, сообщить ему, что думает, чувствует, хочет говорящий. Роль адресата не менее важна, чем роль производителя речи. Без *я* речь невозможна, без *ты* речь обесмысливается, превращается в глас вопиющего в пустыне и тоже фактически перестает существовать. В этом случае нарушается, как говорят ученые, коммуникативная природа речи, существующей прежде всего как средство общения.

Наличие адресата влияет не только на сущность, но и на форму речи. Если позиция *я* обуславливает индивидуальность, субъективность речи (говорящий стремится выразить особенности своего восприятия), то позиция *ты* — стабильность, постоянство речевой формы, стремление к использованию речевых средств, общих для говорящего и слушающего.

Вот, например, журналист В.Песков передает речь старого вятского охотника:

Когда зашел разговор о лосях, старик примолкнул, послушал охотников помоложе. А потом сказал такое суждение:

— Лось — она хламина нотная, она, мотри, паря, тово...

Только чутьем можно понять мудреную простоту слов. В приблизительном переводе с вятского это вот что: “Лось, скажу тебе, зверь не простой, от него, смотри, парень, можно ждать всякого...”

Старик охотник говорит на вятском диалекте, и его речь понятна только носителям диалекта. Но для остальных она недоступна. И в этом случае речь нельзя считать состоявшейся. Обращенная к слушателю, она не дошла до него, оказалась непонятой.

Всамом общем виде можно сказать, что *я* (по своей природе) стремится к индивидуальности и даже уникальности выражения, *ты* реализует противоположную тенденцию. Взаимодействие этих двух тенденций и определяет общую форму, качества речи, движущейся между двумя этими полюсами: уникальное, индивидуальное — общее, массовидное.

Адресованность речи ограничивает, сдерживает свободу выражения говорящего. Из многообразных вариантов говорящий, чтобы быть понятым, вынужден выбирать такие, которые являются общими для его речевого опыта и речевого опыта адресата. В противном случае информация не дойдет до слушателя и речевое общение (коммуникация) не состоится.

Итак, важнейшие качества речи, вытекающие из речевого акта и определяющие ее природу, это персонализированность и адресованность. О других особенностях речи (в сопоставлении с языком) говорилось выше.

Назовите три компонента речевого акта и качества речи, из него вытекающие.

Лингвистика речи и лингвистика текста

Лингвистика оперирует двумя весьма важными, фундаментальными понятиями — язык и речь. Раньше лингвистика изучала язык, систему языка, теперь — язык и речь. Фактически формируются две сферы исследований — лингвистика языка и лингвистика речи. Первая изучает языковые системы, вторая — речь.

Лингвистика речи в свою очередь подразделяется на 1) теорию речевой деятельности и речевых актов и 2) лингвистику текста. Теория речевой деятельности изучает, как строится речь, как мы говорим и пишем, т. е. процессы образования и восприятия речи. Так как речевая деятельность состоит из отдельных речевых

актов, то изучение их составляет важную область этой научной дисциплины. Каждый речевой акт предполагает говорящего, слушающего (адресата) и некоторую совокупность сведений, ради передачи которых и совершается общение. Изучение речевых актов с точки зрения их установки, цели, успешности осуществления коммуникации составляет сейчас важную отрасль отечественной и мировой лингвистики.

Лингвистика текста, как ясно уже из самого названия, изучает тексты. Но что же такое текст? И в каком соотношении находятся речь и текст?

Термин *речь* употребляется в двух значениях: как сам процесс говорения (речевая деятельность) и как результат этого процесса, т. е. речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом. В последнем значении (речевые произведения) термины *речь* и *текст* совпадают.

Текст (от латинского *textus* — ткань, сплетение, соединение) можно определить как объединенную смысловой и грамматической связью последовательность речевых единиц: высказываний, сверхфразовых единиц (прозаических стрóf), фрагментов, разделов и т. д.

Лингвистика текста изучает структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, его смысловое строение. Стилистика текста как одна из отраслей лингвистики текста изучает разнообразные типы текстов и их стилистические особенности, способы развертывания текста, речевые нормы в разных функциональных стилях, типы речи (монолог, диалог, полилог), индивидуальные стили.

Изучение текстов — новая и весьма перспективная область лингвистики, широко раздвигающая ее границы.

Что изучает лингвистика речи и лингвистика текста, как они соотносятся?

Подготовьте **сообщение** на тему “Текст — единица речи”: расскажите, чем текст отличается от “не текста”; раскройте основные свойства текста (делимость, последовательность частей). См.: *Граник Г. Г.* и др. Речь, язык и секреты пунктуации. — М., 1995. — С. 283—288; 303—307.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru